

Владимир Янковский

*Замуж
по заданию*

Детектив только для взрослых

Владимир Янковский

**Замуж по заданию. Детектив
ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**

«Издательские решения»

Янковский В.

Замуж по заданию. Детектив только для взрослых /
В. Янковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832288-4

Жесткий детектив, основанный на реальных событиях, имевших место в США на рубеже минувшего и нынешнего веков. Затронута деликатная тема — сексуальное насилие над юными россиянками, вышедшими замуж за американцев. Сцены насилия отредактированы до разумных пределов. Но необходимые для сюжета эпизоды предназначены только для совершеннолетних.

ISBN 978-5-44-832288-4

© Янковский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Свадьба пела и плясала	8
Глава вторая. Бедная Лиза	16
Глава третья. Не имей сто рублей, а имей сто друзей	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Замуж по заданию

Детектив только для взрослых

Владимир Янковский

© Владимир Янковский, 2016

ISBN 978-5-4483-2288-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту историю мне рассказала моя племянница, преуспевающий российский адвокат Надежда Александровна Фомина, владелица адвокатской конторы «Содействие», занимающейся юридической защитой россиян и выходцев из других бывших советских республик, оказавшихся в Дальнем Зарубежье. Разговор возник совершенно случайно – Надежда гостила у меня, мы пили сентябрьским вечером 2016 года чай и смотрели новостную программу «Вести» на телеканале «Россия-1», когда ведущий Андрей Кондрашов анонсировал репортаж о задержании в Москве банды педофилов, содержащих в сексуальном рабстве детей, использовавшихся, в том числе, и для съёмок порнофильмов. «Господи, и до нас докатилось!», – грустно произнесла племянница... Далеко за полночь завершился её рассказ о событиях пятнадцатилетней давности...

Автор.

Пролог

«Двадцатилетняя Анастасия Соловьева, живущая с родителями в Бишкеке, решила попытать счастья в Америке. Международное брачное агентство, действующее на благотворительной основе, помогло ей завязать знакомство по почте с тридцатидевятилетним Инглом Кингом, домовладельцем из небольшого городка Маунтлейн-Торррас, расположенного неподалеку от Сиэтла, в графстве Шохомиш. Около двух лет назад они поженились, и Анастасия перебралась за океан.

Двадцать второго сентября прошлого года она бесследно исчезла. Полиция стала искать ее лишь второго октября, когда тревогу забили родители. Поиски были безрезультатны до самых последних дней минувшего года. Обнаружили Анастасию двадцать девятого декабря – в неглубокой могиле на территории индейской резервации Талалип, в километрах тридцати пяти от городка Маунтлейн-Террас. Тело уже было в таком состоянии, что патологоанатом не смог поначалу определить причину смерти, хотя обстоятельства ее полиция уже знала или считала, что знает...»

ИЗ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ. ЯНВАРЬ 2001 ГОДА.

С непонятным чувством замечаю, как с каждым годом работы становлюсь равнодушной к чужому горю. Ко мне обращаются за помощью конкретные люди, у которых что-то случилось: кто-то из родных и близких убит, пропал без вести, изнасилован, шантажирован, обманут, избит, обокраден, – да мало ли что может произойти трагичного в нашей суровой российской действительности с самыми обыкновенными людьми. Клиент излагает суть дела дрожащим голосом, руки нервно не находят себе места, для него пострадавший – самый дорогой человек.

Я же совершенно спокойна и где-то в глубине души, слушая заявителя, уже начинаю прокручивать возможные варианты своих действий. Что это? Черствость? Знакомый хирург, которому я однажды за рюмкой коньяка спьяну призналась в одолеваемых меня сомнениях, поднял тост за мой профессиональный рост. Он так и выразился: «Ты становишься профи, и ничего страшного в этом нет. Когда мне в операционную ввозят попавшую в автомобильную катастрофу девушку, у которой черепно-мозговая травма, перелом трех ребер, одной руки, разорвана селезенка и не известно, что еще скрывается за многочисленными ссадинами на ее прекрасном теле, я не могу переживать от вида ее ран, задумываться о том, чья она дочь, жена, любимая, в чей дом вошло горе. Я начинаю молча свою работу – собираю заново человеческий организм, чтобы он нормально функционировал. Если же начну волноваться, возмущаться, поддамся эмоциям – у меня задрожат руки, пот польется по лбу на глаза, внимание рассеется – и кому от этого станет хуже? Только той, кто, почти бездыханная, лежит под моим скальпелем. Вот почему мы, хирурги, по неписанным правилам не делаем операции своим родным и близким. Тогда волнения неизбежны. Так и в твоей работе сыщика. Кому станет хуже, если ты начнешь переживать, волноваться, принимать близко к сердцу судьбу каждого, с кем тебя сталкивает жизнь? Только жертве преступления и его родственникам, которым ты не сможешь вовремя, быстро и четко оказать помощь. Так что выпьем за твой состоявшийся профессионализм!»

Возможно, он и прав. Вот почему, в деле, которое досталось мне в очередной раз, я старалась следовать советам врача – молча и спокойно делать свою работу. Трагедия случилась в семье моих дальних родственников – седьмая вода на киселе, как говорят у нас на Руси, да и стали они моими родственниками совсем недавно. Так что поводов для особых волнений

не возникало. Однако реальная жизнь, круто вовлекшая меня в водоворот событий, заставила поколебаться в правильности врачебного креста.

Но обо всем по порядку...

Глава первая. Свадьба пела и плясала

Не люблю поздних вечерних звонков. Почему-то они вселяют в меня суеверный страх. Стоит кому-то из друзей позвонить мне после девяти вечера, как я инстинктивно начинаю нервничать. Может, эта глупая привычка из далекого детства, когда в школе у нас вели предмет «Культура поведения» и учительница старательно объясняла: деликатный человек не станет звонить даже родственникам после девяти вечера, это неприлично, поскольку люди могут уже лечь спать или готовиться ко сну. Звонок после этого контрольного времени, старательно внушала учительница, может иметь место только в неотложных, экстраординарных случаях – болезнь, несчастье, смерть...

Вот почему я так подозрительно посмотрела на свой городской телефон, настойчиво зазвонивший в тот августовский воскресный вечер. «Что день грядущий мне готовит?» – словами поэта подумала я, снимая трубку и произнося устало-сакраментальное:

– Да, Фомина...

– Ты не одна, моя дорогая сестренка? – извиняюще прозвучал на другом конце провода голос моего кузена Владислава Медведева.

– С чего взял, проницательный ты наш? – облегченно вздыхая, спросила я.

– Подошла с четвертого сигнала, тяжело дышишь. Такое впечатление, что оторвал от любимого партнера! – снахальничал двоюродный братец.

– Тяжело дышу от радости, что неприятных сюрпризов от твоего звонка не будет. Ты же знаешь, какая у меня идиосинкразия на поздние звонки, – постаралась объяснить я.

– Ты права, неприятных сюрпризов нет. Один, но очень приятный. Ты сидишь или стоишь? – поинтересовался кузен.

– Лежу! – в наглую заявила я.

– Тогда самый раз. Звонили родные. Потрясающая новость: Алка выходит замуж! – выпалил Владислав.

– Наша малышка и замуж! – удивилась я.

– Да какая она малышка! – с обидой в голосе возмутился родственник. – Сестренке девятнадцатый год пошел, на втором курсе университета, ростом с меня или даже выше, а ты – «малышка»...

– Слава, я Алку помню лишь сопливой девчонкой, когда твои родители последний раз приезжали к нам сюда! – парировала я.

– Да лет пять назад, тогда меня после армии привезли и сдали тебе с рук на руки. Помнишь – «Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете...» – пропел кузен.

– Во-первых, сторона русская, и планета не совсем чужая, историческая, так сказать родина. Во-вторых, пять лет назад Алка и была сопливой голоногой тринадцатилетней пацанкой. Ладно, кто жених, сказали? – закончила я пререкаться.

– Конечно. Зовут Андрей, фамилия Сеницын. Самостоятельный парень, в этом году закончил университет. Старше сестренки на четыре года.

– Чем занимается вчерашний выпускник? – уточнила я.

– Знаю, что закончил биофак, а где работает – в телефонном разговоре не выяснил.

– Хорошо, а что ты уяснил вообще, господин будущий сыщик? – усмехнулась я.

– Что свадьба через неделю и мы все на нее приглашены – ты, я и моя Маша, вот о каком приятном сюрпризе идет речь, – горячился на том конце провода мой собеседник.

– Едем в Ашхабад? – переспросила я.

– Нет, в Ташкент, – поправил меня Слава.

– Ты знаешь, милый мой, я как-то еще помню, где живут мои самые близкие родственники...

– Тут никаких ошибок, Надя! Жених из Ташкента, поэтому свадьба в столице Узбекистана.

– Где же они познакомились, коль живут в разных государствах?

– Прошлым летом отдыхали семьями на Иссык-Куле, теперь это чуть ли не единственный курорт, где могут позволить себе отдыхать люди среднего достатка из центрально-азиатских республик. Там и встретились, – растолковывал Слава.

– Теперь более-менее понятно, – облегченно вздохнула я.

– Так ты едешь? – поинтересовался Волков.

– Славочка, дай мне до завтра подумать! – взмолилась я шутя.

– О чем тут думать? Ты хоть знаешь, что такое среднеазиатская осень? Да мы неделю будем наслаждаться дынями и арбузами, виноградом без косточек и прочими фруктами. Потом, насколько я помню семейные предания, Ташкент – родина твоего отца. У тебя там живет бабушка, которую ты еще ни разу в жизни не видела. Заодно и с ней познакомишься! – не унимался кузен.

– Слава, ты меня так уговариваешь, как будто я категорически сказала «Нет». Утром я приеду к вам, тогда все и обсудим. Мне надо подумать. Хорошо? – предложила я.

– Ладно! – миролюбиво согласился братец.

Повесив трубку, я заварила чай и стала пить его с моим любимым овсяным печеньем, пытаюсь найти ответ на мучивший меня вопрос: ехать или не ехать? Нет, никаких срочных дел в производстве у меня не было. Речь шла о довольно сложных взаимоотношениях, установившихся испокон века между моими родственниками. Мой отец, Александр Николаевич Фомин, действительно родом был из Ташкента. В моем родном приволжском городе С. папа учился в университете – в советское время во многих российских вузах учились студенты из среднеазиатских республик, и не только местных национальностей. В университете отец и познакомился с мамой – она училась на филологическом, он – на факультете журналистики. Еще студентами они поженились, в положенный срок родилась я, а года через три родители разбежались.

Мама вышла замуж вторично, а отец вскоре после развода переехал в Москву, на Центральное Телевидение, где и проработал до конца своей жизни – он трагически погиб четыре года назад. Вновь встретилась с отцом я в шестнадцатилетнем возрасте. Не поверила материнским рассказам об отце-подлеце и написала папе на работу по адресу, хорошо знакомому всей стране: 127000, Москва, улица Королева, 12. На удивление очень быстро пришел ответ. Отец помнил меня и звал в гости к себе.

Да, он тоже был женат второй раз и в Москве подрастали два моих младших брата, Игорь и Алексей. Мне стало любопытно и на ближайших каникулах – они оказались зимними – вопреки воле матери я уехала в Москву, к отцу. Никогда не забуду ту минуту, когда фактически впервые в жизни (что могла помнить трехлетняя девочка?) я увидела у вагона отца с букетом алых гвоздик. А удивленно-любопытные взгляды пассажиров? – отца, одного из ведущих программы «Время», уже тогда узнавали в лицо...

Короче, мы с отцом и его новой семьей подружились, тем более, его вторая жена Лена была всего на одиннадцать лет старше меня – она стала мне словно старшей сестрой. С мамой я окончательно разругалась на этой почве, считая ее развод с отцом трагической ошибкой, с позиций своего подросткового, а потом и юношеского максимализма упрекала ее за неуживчивый характер – мама разошлась и со вторым мужем, в одиннадцатом классе я даже переехала жить к бабушке, а, закончив школу, и вовсе стала самостоятельной – отец подарил мне к восемнадцатилетию мою первую, еще однокомнатную квартиру...

Самое удивительное состояло в том, что и остальные мамы родственники, даже ее собственная мама, моя, то есть, бабушка Вера Семеновна, и мамина сестра Нина Петровна, не одобряли ее отношения с моим отцом и на этой почве мама практически перестала общаться с родственниками и вела затворнический образ жизни: дом – работа, работа – дом.

В Ташкенте действительно до сих пор жила моя бабушка, мать отца, которую я не знала совсем – может, в моем раннем детстве, когда родители еще не развелись, они и были у нее в гостях, но что может помнить двухлетняя кроха? Вот почему, обдумывая предложение Славы поехать в Ташкент на свадьбу моей кузины, я склонилась к положительному ответу. Надо сочетать приятное с полезным. В Ташкенте предполагалось пробыть в общей сложности неделю, время для посещения бабушки выкрою обязательно. Ей должно быть около семидесяти лет, может, в последний раз увидим друг друга. Какие бы ни были много лет назад отношения между ее сыном и моей мамой, мы же в конце концов не чужие люди.

Приняв окончательное решение, я успокоилась, посмотрела очередную американскую комедию на одном из телеканалов, а потом, умиротворенная, легла спать.

Поутру, позавтракав, завела свою «десятку» и поехала к Медведевым. Слава или полностью Владислав Аркадьевич – мой кузен, сын тети Нины Петровны, сестры моей матери. Четыре года назад (как раз в год, когда погиб отец), тетка с мужем привезли Славу в наш город, на родину матери. Слава поступил в Академию Права, как гордо стал именоваться отделившийся от университета его бывший юридический факультет. Время от времени кузен помогает мне в наиболее трудных случаях, когда нужны его сила и ловкость – не хуже меня Слава владеет каратэ – мужское обаяние или просто смекалка. В одном из дел о шантаже известного в нашем городе предпринимателя помощь Медведева и его новой подруги Маши была столь существенной, что клиент – Игорь Шаповалов – подарил ребятам к свадьбе двадцать тысяч баксов – сумасшедшую для двух студентов сумму, на которую они ухитрились не только приобрести и обставить трехкомнатную квартиру на окраине города, но даже выкроить деньги на подержанную «Оку».

Когда я переступила порог их дома, ребята еще завтракали. Усадив меня пить кофе, Слава как бы невзначай поинтересовался:

– Пакуем чемоданы?

– Ты на неделю собираешься брать целый гардероб? – засмеялась я.

– Ура, сестренка едет! – Маша обняла меня за плечи.

– Ты рада? – спросила я.

– Конечно! Знаешь, как я устала за последний год с Никиткой! Нет, конечно, Слава помогает, но все равно, как заколдованный круг – пеленки, подгузники, еда, прогулки. Так хочется отдохнуть хоть недельку! – откровенно призналась молодая женщина.

– Куда сына денете, не с собой же возьмете? – не поняла с ходу я.

– Отвезем маме в деревню. Только ей я доверю Никитку! – объяснила Маша.

Обсудили детали – как добираться в Ташкент. Деревня, в которой жила мама Маши, располагалась на северо-восточной окраине нашей области, от нее было рукой подать до Самары. Позвонив в Самарский аэропорт, выяснили – рейса на Ташкент у них теперь нет. Лететь до Москвы, а оттуда уже в столицу Узбекистана – долго. Добираться поездом – через Самару как раз проходил маршрут фирменной узбекской «пятерки» Ташкент-Москва? Никто не гарантировал наличие свободных мест. Слава подал идею ехать на машине. Достали атлас автомобильных дорог еще прежнего Союза, посмотрели внимательно. Тысяча восемьсот километров от деревни до Ташкента. За рулем по очереди мы со Славой можем сменять друг друга. Двое суток пути, ибо в целях безопасности по дорогам Казахстана не рекомендуют ехать ночью. Придется заночевать где-то в районе Туркестана или Кзыл-Орды, – смотря как быстро будем двигаться в первые сутки.

Споры по поводу машин – на которой из двух, имевшихся в нашем распоряжении, «десятке» или «Оке», ехать, – не возникло: и ежу понятно, в столь долгое путешествие лучше ехать на более комфортабельной и мощной флагманской по тем временам начала XXI века вазовской машине. Свадьба, судя по уже пришедшей официальной телеграмме-приглашению, была назначена на вечер пятницы. Молодежь легка на подъем – Маша собрала целую сумку вещей для Никитки, а Слава позаботился о багаже взрослых. Ехать решили после обеда в деревню, там переночевать, а во вторник по утрам – в Ташкент.

Успела заехать к бабушке, взяла у Веры Семеновны ташкентский адрес ее сваты, деньги, которые старушка передала в качестве подарка внучке Аллочке. В гараже прикрепила на всякий случай металлический багажник на крышу – в дальней дороге предусмотрительность не помешает. Бросила наверх сорокалитровую канистру. Вторую такую же взяли у Медведевых – Слава как знаток Средней Азии предупредил, что в Оренбурге надо не только заправить до краев бак «десятки», но и залить две канистры, так как сервис на казахских дорогах еще тот, советских времен: кроме крупных городов заправок на трассе не встретишь.

До родной деревни Маши домчались быстро, триста километров за четыре часа. Мама ее, Клавдия Васильевна, с которой я уже познакомилась два года назад на свадьбе кузена, заохала и заахала, что не успеет как следует снарядить нас в дорогу. Пока мы развлекались весь вечер – Маша показывала нам отчие края, пруд за околицей, рощу вдалеке, школу, где училась, – хрупкая женщина не отходила от плиты, жарила и парила нам деревенскую снедь. Видимо, Клавдия Васильевна не спала почти всю ночь: утром в салон машины еле поместились две объемистые сумки с жареными курицами, картошкой, сметаной, помидорами и зеленью.

За первый световой день нам удалось промчаться около тысячи километров. Каждые два часа мы со Славой сменяли друг друга за рулем. После Оренбурга пейзажи за стеклом «десятки» стали уныло-однообразные: выгоревшие под жарким летним солнцем холмы становились все ниже и ниже, потом перешли в гладкую, как кухонный стол, степь. Асфальт впереди казался рекой из-за нагретых потоков воздуха, поднимавшихся, словно теплые волны, перед капотом машины. Черные островки асфальта миражами напоминали лужи, но, когда мы подъезжали ближе, ощущение дождя пропадало, дорога по-прежнему была жаркой и по большей части пустынной. Изредка проносились мимо казахских аулов, окруженных редкими стадами верблюдов и тощих (по российским меркам) коров. Каждому селу предшествовали мусульманские кладбища, где любая могила – произведение архитектуры, своеобразный мавзолей с полумесяцем, выложенным на стенке.

Наслышанные о лихих людях на казахских дорогах, мы старались не останавливаться без крайней необходимости. Но мафиозные кланы интересовали, видимо, лишь огромные грузовые фуры. Во всяком случае, нас за два дня остановили лишь однажды за Кызыл-Ордой, в районе знаменитого Тюратама. Так называется железнодорожная станция на ветке Оренбург-Ташкент, ближайшая к знаменитому космодрому Байконур. Документы проверял объединенный блок-пост казахской автоинспекции и российской военной автоинспекции.

Увидев наши приволжские номера, военные поинтересовались, не нужна ли помощь, как дела дома, в России, словом, остановка была полезной для обеих сторон. Ночевали мы прямо в машине на специальной стоянке, оборудованной на въезде в Кызыл-Орду. Продуктов, данных в дорогу Клавдией Васильевной, хватило на два дня. По пути мы покупали лишь арбузы и дыни, в изобилии предлагавшиеся местными жителями транзитным путешественникам.

К вечеру среды мы прошли Чимкент. Трасса до Ташкента великолепная, скорость держали приличную и через час мы уже прошли через две таможни – казахскую и узбекскую. Осмотр был фактически формальным: нас попросили только открыть багажник. Убедившись, что никакого груза у нас с собой нет, нам вежливо козыряют – можно ехать. Вот и огромная бетонная стела: «Узбекистан». Проехав государственную границу, мы вновь меняемся местами: я уступаю руль Владиславу. Он все-таки местный, азиатский, легче найти искомый

адрес. Это при проезде таможен и границ нужно женское обаяние. В двухмиллионном городе лучше положиться на знание обстановки и опыт, чего не занимать моему кузену.

С интересом вглядываюсь в незнакомый город. Меня поражают величественная телебашня – просто удивительно, как в сейсмоопасном районе ухитрились построить такое высокое сооружение, – ширина улиц, которых и улицами назвать трудно, скорее проспектами, обилие деревьев на дорогах – откуда берут воду для их полива в жаркие летние дни? – дорожные указатели на английском и узбекском языках – не слишком ли рано забыли про русский?

Адрес будущих родственников у Владислава есть. На узбекском языке он на дорожно-базарном уровне изъясняется, так что дорогу к массиву Ак-Тепе (Белый Холм) кузен находит сноровисто. Слева и справа от улицы Муками кварталы домов, построенных, видимо, еще до знаменитого ташкентского землетрясения 1966 года: на стенах пятиэтажек, выходящих к дороге, выложенные кирпичами лозунги: «Москва – Ташкенту», «Рязань – Ташкенту», «Киев – Ташкенту».

Едем по кругу, пересекаем мост через канал, вежливый автоинспектор, профессиональным взглядом увидев российские номера, старательно объясняет нам, как найти нужную улицу. Это уже частная застройка. Дома из сырцового кирпича или, как здесь говорят, самана. Заборы увиты виноградом. Вдоль дороги вместо традиционных тополей вишневые деревья. Ошеломленные родственники высыпали на улицу, потрясенные тем, что мы добрались своим ходом.

Открываются традиционно зеленые металлические ворота. Загоняем «десятку» во двор. Во дворе несколько фруктовых деревьев, виноградные лозы обвивают террасу, ведущую в дом. Посреди участка дощатый настил с перилами – айван, так его называют на Востоке. Обнимаемся с тетей и дядей, знакомимся с новыми родственниками. Жених Андрей – высокий статный юноша, ладно скроенный шатен, очень красивый, повезло нашей Алке. Она сама буквально расцвела за те годы, что мы не виделись, превратившись из гадкого утенка-подростка в белую лебедушку. Родители жениха Маргарита Степановна и Анатолий Тимофеевич, внешне похожи друг на друга, как часто бывает после многих лет совместной жизни. Мать очень быстрая в движениях крашенная шатенка, сохранившая в свои далеко за сорок очарование молодости. Отец с еще почти не тронутыми сединами волосами, большими натруженными руками, выдающими человека физического труда.

Нас отправляют принять с дороги душ, а, пока мы по очереди моемся, на веранде накрывается богатый восточный ужин. Весь четверг и половина пятницы пролетают быстро из-за неизбежных предсвадебных хлопот. Торжество решили провести прямо во дворе собственного дома, на Востоке так делают многие. Думала, что матери и другие близкие женщины выдохнутся, готовя еду на такую ораву – гостей ожидалось человек сто, что по здешним меркам скромно. Но весь четверг и пятницу к нам в дом пришли соседки, принявшие на себя основную тяжесть кухонных забот. В пятницу же главные горячие блюда – плов и шашлык – готовили вообще мужчины, что существенно облегчило труд родственников, которым осталось только подавать и убирать посуду. Моя тетя Нина и Маргарита Степановна объяснили: это древний восточный обычай. Называется хошар. Всей улицей или махаллей, как говорят на Востоке, помогают соседям в горе и радости – строят дом, провожают в армию, женят.

Вот почему на свадьбе так причудливо сочетались русские и узбекские мелодии и обычаи. Да и гости были интернациональны. «Я тут родилась, это дом отца с матерью, – объясняла мне Маргарита Степановна, – поэтому так много соседей. Живем дружно!» Свадьба пела и плясала всю ночь до самого рассвета.

Утром, утомленные танцами, улеглись, где попало. Мы с Машей облюбовали салон моей «десятки» – пустых спален внутри дома не оказалось, одну деликатно отдали новобрачным, в остальных трех комнатах вповалку лежали гости.

Отмечали и всю субботу, правда, гостей значительно поубавилось – соседи уже остались дома. В воскресенье утром я поинтересовалась у хозяина, как мне найти улицу, где жила моя бабушка. Прочитав адрес, Анатолий Тимофеевич неожиданно предложил:

– Надя, давайте сделаем так. Через час надо ехать в аэропорт, провожать Лизу, младшую дочку. Она улетает через Москву в США. Лиза живет в Америке, два года назад вышла замуж за тамошнего бизнесмена Питера Кинга. Нужная вам улица – Фергона йули, Ферганский тракт по-русски, не так далеко от аэропорта. Если вы не против, поедем на вашей машине сначала в аэропорт, проводим Лизу, потом я вас доведу до бабушки, а мы с женой доберемся домой на автобусе и метро. Программа принимается?

Безусловно, я с радостью согласилась. Плутать в незнакомом городе в поисках нужного мне дома не хотелось. Сестру жениха я, конечно, видела на свадьбе, но там было столько народу, что я, честно, не обратила внимания на эту девушку – сестра и сестра. Но по дороге в аэропорт я хорошенько разглядела высокую хрупкую с великолепными распущенными волосами, романтично ниспадавшими на открытую спину летнего сарафана, Елизавету Синицыну или, как она теперь называла себя на американский манер, Элизабет Кинг.

Анатолий Тимофеевич, водитель-профессионал – он три десятка лет водил автобус в одном и том же ташкентском автопарке – сел за руль моей «десятки», а дочка его устроилась рядом с отцом. Мы с Маргаритой Степановной сели сзади. Ветер ласково трепал волосы Лизы. Она оживленно беседовала с родителями и мной.

– Ты Петруху своего отругай за нас! – наставительно советовал отец. – Не поверю, что человек так занят работой. До Москвы долететь, остаться там, а в Ташкент на свадьбу шурина не вырваться... Нет, это не по-нашему!

– Папочка, ну, сколько тебе объяснять, Питер – человек занятой, типичный бизнесмен. В Америке все бизнесмены трудоголики. Питер из таких. Тем более, он – вице-президент компании, должен подавать пример подчиненным. В Москве у него шли переговоры с российскими партнерами. Поэтому Питер заранее извинился, что не сможет приехать на свадьбу Андрея. Деньги он же передал! – защищала мужа в глазах собственных родителей девушка.

– Доллары к свадьбе вовремя оказались, нечего сказать, но уважить родственников стоило бы! – не соглашался с дочкой отец.

– Пап, да как ты не поймешь, у американцев свой менталитет. У них даже в гости друг к другу без приглашения не ходят. Так что не стоит на Питера обижаться! – миролюбиво заключила Лиза.

Аэропорт в Ташкенте в городской черте. Поэтому добрались до него мы довольно быстро. Я попрощалась с Лизой в машине, деликатно оставив родителей наедине с дочерью. Вернулись Маргарита Степановна и Анатолий Тимофеевич минут через двадцать.

– Сейчас взлетит, тогда и поедем! – наклонившись ко мне в машину, произнес Синицын-старший.

Я вышла к ним. Облокотившись о перила, ограждавшие летное поле, мы наблюдали, как заканчивалась посадка в Ил-76-й, как тягач вытаскивал аэробус на стартовую площадку.

– Любимая дочка? – улыбаясь, спросила я у Маргариты Степановны.

– Она у нас такая умница! Прирожденные способности к языкам. Окончила школу с углубленным изучением английского. Пишет рассказы. Они уже публиковались здесь в газетах. Внешность у Лизы дай Бог каждой! Она еще в одиннадцатом классе отправила свою фотографию в благотворительное брачное международное агентство. Вдруг через пару месяцев приходит письмо из США. Автор – некий Питер Кинг, специалист по рекламе. Фотографию Лизы увидел в проспекте агентства. Потом пошло-поехало. Прилетел в Ташкент. Привез с собой компьютер, подключил здесь к Интернету, оплатил за год вперед. Стали переписываться с Лизой по электронной почте. Сделал предложение. Свозил нас всех к себе в Америку.

Конечно, Питер старше Лизы почти на два десятка лет, но он с такой нежностью относится к дочке... – восторженно отзывалась о дочке и зяте мать.

– Пошел на взлет, смотрите! – Анатолий Тимофеевич показал рукой на взлетную полосу, над которой пошел в отрыв от земли тяжелый лайнер. – Все, можно ехать!

Сев за руль «десятки», Сеницын-старший заметил:

– За младшую теперь душа не болит, она за своим Петькой как у Христа за пазухой. Надо думать о сыне.

– Что о нем думать, Анатолий Тимофеевич? – удивилась я. – Образование дали, женили, в чем проблемы?

– Университет Андрей закончил, это верно. Но у него тяга к науке. Хочет продолжить учебу в аспирантуре. В Узбекистане это уже несбыточная мечта. Русскоязычных групп в университете осталось совсем немного, по одной на каждый курс. В аспирантуру совсем не попасть. Конечно, можно было обратиться к Питеру, для него не проблема устроить шурина в один из американских университетов. Но Андрей и слышать не хочет об отъезде за границу. Лучшая биологическая школа в России, как утверждает Андрей, в вашем городе. Там же работал сам Вавилов! Он съездил летом к вам, узнал все, в октябре очередной набор в аспирантуру биофака. Придется продавать дом и ехать к вам, – рассуждал Сеницын.

– Думали ли мы когда-нибудь, что на старости лет придется бросать все и ехать в совершенно незнакомый город? – сокрушалась Маргарита Степановна.

– Дочка в Америку забралась и ничего, живет! – засмеялась я. – А в России жить можно.

– Без родственников, друзей и знакомых – тяжело. Мы же не американцы. Менталитет совершенно иной, – заметил Анатолий Тимофеевич.

– Теперь родственники есть. Бабушка новой снохи, тетя, брат с семьей, я – нас много. Поможем, как же без этого? – пожалала я плечами.

– Надя, я хотела спросить. За наш дом здесь дают двадцать пять тысяч баксов. За эту сумму на какое жилье мы можем рассчитывать в вашем городе? – повернулась ко мне Маргарита Степановна – на обратном пути из аэропорта она села впереди рядом с мужем.

– Нормальную трехкомнатную квартиру в центре. Если хотите дом с участком, то за десять тысяч баксов можно взять хороший дом на окраине города. Остальная сумма останется на переезд и «черный день», – пояснила я.

– Мы люди простые, в документах не разбираемся, а со стороны снохи сплошь родственники-юристы. Здесь-то мы дом продадим, а в вашем городе приобретать наубум боязно, – объяснил Сеницын, повернувшись ко мне на секунду – машина остановилась у светофора с красным сигналом.

– Если вы нацелились серьезно на переезд, давайте просто договоримся. Вещи отправляете контейнером, сами добираетесь к нам своей машиной, до прихода контейнера, а это две – три недели, мы вполне успеем подобрать вам нужное жилье. Где жить эти двадцать дней, найдем – у меня, у Славы, у бабушки, – места много, четверых всегда разместим, – заверила я.

– С работой как там у вас? – деловито осведомилась Маргарита Степановна. – Мы еще не пенсионеры.

– И слава Богу, – улыбнулась я. – Водителя с таким стажем и квалификацией в любом автопарке с ногами и руками оторвут. Поездите месяц стажером, чтобы маршрут выучить – и все. А вы кто по профессии? – поинтересовалась я у новой своей родственницы.

– Шеф-повар, – улыбнулась женщина.

– В кафе или ресторан спокойно устроитесь, объявления каждую неделю публикуются. Так что средства к существованию найдутся, – как могла, успокоила я Сеницыных.

Беспокойство их вполне можно понять: порой трудно решиться на обмен жилья в границах одного города, а тут переезжать в другое государство. Правда, понятия «государства» здесь

несколько условны, фактически Узбекистан и Россия очень похожи друг на друга, Синицыным не придется менять ни язык, ни привычный образ жизни, ни даже профессии.

– Приехали, Надя! – отвлек меня от размышлений Анатолий Тимофеевич, показывая на бетонную девятиэтажку, стоящую рядом с рынком. – Вот эта улица, вот этот дом.

– Вы отлично знаете город! – похвалила я Синицына.

– Каждый день автобус мимо гоняю, это мой маршрут! – объяснил Анатолий Тимофеевич.

Он остановил «десятку» рядом с искомым мне домом номер четыре. Когда они выходили, я предложила подняться вместе со мной. Синицыны вежливо отказались.

– Дорогу обратно по карте города найдете? – спросил водитель, беспокоясь за меня.

– Конечно, у меня зрительная память хорошая, – успокоила я своих провожатых.

Глава вторая. Бедная Лиза

Вроде бы здесь – поднявшись на второй этаж, я замерла у двери с цифрой 4. На мой звонок раздалась легкие шаги, дверь распахнулась, на пороге, близоруко прищурившись, стояла сухонькая сутулая старушка с совершенно седыми волосами неопределенной длины – трудно было определить, носит ли она короткую прическу и просто давно не стриглась, или волосы всегда такой нестандартной длины. Одета в простенький ситцевый домашний халатик, она излучала какое-то внутреннее напряжение, глядя на меня.

Несколько секунд мы обе молчали. «Как она похожа на отца! Тьфу, что я говорю! Как отец похож на свою мать! Даже волосы так же вьются – он любил нестандартные прически, примерно такую же длину, какая сейчас у матери. В советский период, когда вел программу „Время“, ему приходилось коротко стричься – коммунистическая идеология не терпела „волосатого“ журналиста. В последние годы стало легче...»

– Кто вам нужен, девушка? – прервала мои размышления старушка.

– Если вы – Наталья Константиновна Фомина, то вас! – я вопросительно посмотрела на хозяйку квартиры.

– Я Фомина... А вы? – почему-то тихо спросила старушка.

– Я – Надя Фомина, ваша внучка, Наталья Константиновна! – просто сказала я.

Старушка оперлась спиной о дверной косяк. Ресницы ее задрожали, на щеках показались слезы. Не было понятно, от чего она плачет – от радости встречи или от переживаний матери, пережившей собственного сына. Мне ничего не оставалось сделать, как обнять эту в принципе совершенно незнакомую мне женщину, прижать к себе и дать выплакаться на моем плече.

Через несколько минут мы пили чай в ее маленькой однокомнатной квартире. Словно в машине времени я попала во времена бабушкиной молодости – конец сороковых – начало пятидесятых годов прошлого, двадцатого века: широкая полутороспальная кровать на металлической сетке, венские стулья, комод для постельного белья с двумя маленькими и тремя большими отделениями, ковер на стене, изображавший знаменитых трех охотников, фотоальбомы с еще черно-белыми снимками – в пятилетнем мальчике в шортах и чулочках я с трудом узнала моего тогда еще будущего отца. Вот он же, уже повзрослевший, на субботнике сажает деревья. Отвечает у доски. Судя по карте – урок истории...

Бабушкины воспоминания о папином детстве, его увлечениях. У нее собраны статьи отца за тридцать с лишним лет – от первых, написанных семиклассником для детской газеты «Пионер Востока» до последних в «Новых Известиях», автор которых уже маститый журналист, лауреат всех мыслимых и немыслимых премий. Наталья Константиновна сокрушается, выяснив, что единственная внучка не пошла по стопам отца и стала адвокатом – так обтекаемо я характеризую ей свой род деятельности. Сетует бабуля и по поводу моей одинокой жизни.

– Тебе ведь скоро тридцать. Оглянуться не успеешь, как лучшие годы пройдут. Мне бы правнука дожидаться – мечтает старушка.

– Правнука можно организовать и без замужества, – поясняю я, а бабулька в испуге машет руками:

– Господь с тобой, Надя! Конечно, понимаю, не ханжа, двадцатый век заканчивается, детей не только в браке делают, но так вот на старости лет останешься совершенно одна, а это так тяжело, поверь, Наденька!

Поборов себя, Наталья Константиновна спрашивает о здоровье моей мамы, своей бывшей снохи.

– Я не одобряла их брак, считала слишком ранним, ты уж меня прости за откровенность. Оказалась права. Но в твоём возрасте замуж пора, учти мой совет.

Несколько часов, проведенных с ташкентской бабушкой, были самыми трудными в моей жизни. Конечно, я понимаю, старушка живет одна, абсолютно одна, у нее нет даже ни кошки, ни собачки, ни попугая, поэтому Наталья Константиновна отвела на мне душу разговорами. Ни о каком переезде в Россию женщина даже слушать не захотела:

– Я не шикаю, но и не голодаю, на жизнь хватает. Умру здесь, на родине. Государство похоронит.

Бабушка вышла провожать меня. Я сказала, что приехала в Ташкент по делам и остановилась у своих друзей. Увидев, как я сажусь за руль флагманской модели «жигулей», старушка ничуть не удивилась:

– Это у тебя от отца страсть к машинам передалась. Саша так любил водить машины...

Старушка упросила меня доехать два квартала до ближайшего дома быта, в котором была фотомастерская. Мы сфотографировались на память. Представляю, как, получив завтра снимки, она с гордостью будет показывать их соседкам и подругам – Сашина дочка. На прощании оставила ей свои координаты, телефон, сто долларов одной купюрой на всякий случай. Наталья Константиновна расцеловала меня, осенила крестным знаменем и прошептала:

– С замужеством не тяни, мой совет тебе...

Тогда я не придавала никакого значения словам старушки. Как оказалось, зря... Во вторник рано утром мы выехали в обратную дорогу. Багажник «десятки» был забит теперь знаменитыми узбекскими дынями и арбузами, ароматными яблоками и персиками. До границы с Казахстаном нас проводил Анатолий Тимофеевич и один из его соседей, некий Кахрамон-ака, служивший в узбекском филиале Интерпола. После показанного им удостоверения и нескольких фраз, сказанных по-узбекски местным таможенникам и пограничникам, нас пропустили на казахскую территорию без досмотра. Через двое суток, заехав по дороге за маленьким племянником, мы въехали в свой родной город...

Заканчивался сентябрь, зачастили противные осенние дожди, когда в один из воскресных вечеров мне также неожиданно позвонил Медведев:

– Надя, привет! Алка с мужем и его родителями из Ташкента приехали!

Последнюю сентябрьскую неделю шла неизбежная кутерьма – я с Синециными-старшими бегала по риэлтерским фирмам, подыскивая нужное жилье. На четвертый или пятый день нам предложили подходящий вариант – четырехкомнатный коттедж в Тепловке, это поселок на юго-западной окраине нашего города. Из красного кирпича, построенный всего десять лет назад, с большим приусадебным участком – плодоносящий сад, огород соток в семь, баня во дворе, летняя кухня, гараж, санузел в доме, холодная вода от городской ветки, природный газ, колонка – горячая вода круглый год – дом устраивал всех.

Сговорились в цене с хозяевами, я тщательно проверила все документы, оформили договор купли-продажи, ведь отдали немалые по нашим меркам деньги – действительно десять тысяч баксов, хозяева, узнав, что у покупателей есть валюта, очень обрадовались и взяли в долларах – на черный день, как пояснили они. Буквально через два дня после сделки пришла телеграмма из товарной станции – до нашего города доехал контейнер с вещами Синециных. Конечно, я не выгружала мебель, практичный Анатолий Тимофеевич быстро нашел на ближайшем рынке свободных днем грузчиков. Четверо крепких ребят не за бутылку, как обычно у нас, в России, а за деньги споро разгрузили контейнер-двадцатитонник. Еще через неделю Синецины отмечали новоселье.

В разгар небольшой вечеринки, когда немногочисленная родня разбилась на группы – Слава с Андреем, Маша с Аллой, бабушка, которая Вера Семеновна, с Маргаритой Степановной, ко мне подошел Анатолий Тимофеевич.

– Хочу посоветоваться, Надя. Ты же все-таки адвокат, – закуривая «Приму», произнес Синецын-старший.

– Что-нибудь не так с документами на жилье? – удивилась я. – Вроде бы все тщательно выверила.

– Нет, с домом все в порядке, спасибо тебе за помощь. В другом вопросе проблема. Что-то мы с матерью никак не можем связаться с Лизой, – туманно начал мой новый дальний родственник.

– Не поняла, Анатолий Тимофеевич, уточните, пожалуйста, – потребовала я – мозги были слегка затуманены после изрядно выпитого количества коньяка.

– Два дня подряд ездили на междугороднюю телефонную станцию, она у вас в центре, оттуда по автоматике звонили в Штаты. Оба раза выходили только на автоответчик. Я в английском не силен, но ясно, что не человек отвечает. Продиктовали новый свой адрес, просили дать телеграмму, все ли в порядке. Так ответа нет до сих пор, – объяснил Сеницын.

– Когда вы последний раз звонили? – переспросила я.

– Вчера, – затянулся сигаретным дымом новый родственник.

– Мне кажется, ничего страшного, нет поводов для паники. Сегодня воскресенье, вчера суббота, по-западному уикенд называется, Лиза с мужем могли поехать куда-то отдыхать, только и всего. Давайте подождем до вторника, если телеграммы от Лизы не будет, в среду поедем вместе с вами на телефонную станцию, позвоним, я по-английски разговариваю почти свободно, разберемся. Договорились? – улыбнулась я родственнику.

На том и порешили. Я не придавала этому разговору никакого значения. Но во вторник вечером позвонил Сеницын-старший и напомнил об обещании послужить переводчиком. В среду около четырнадцати часов – необходимо было учитывать восьмичасовую разницу во времени, в США только еще шесть утра – мы втроем втиснулись в семнадцатую кабинку междугороднего телефона-автомата. Анатолий Тимофеевич набрал номер, протянул мне трубку. На пятом или шестом сигнале вызова за многие тысячи километров абонент, наконец, сонно ответил традиционным английским:

– Hello! (Алло!)

– Who is speaking? Peter? (Кто говорит? Питер?) – переспросила я.

– Да, это я! – отвечал он. – Что вам угодно?

– Мне нужна Елизавета, – пояснила я.

– Сожалею, но женщины с таким именем здесь нет! – неожиданно ответил мой американский собеседник.

– I can not understand you well! (Я вас плохо поняла!) – встревожилась я. – Please call Элизабет! (Пожалуйста, пригласите Элизабет!)

– I am very sorry, but i can't do it. (Извините, но я не могу сделать это) – ответил мой собеседник и положил трубку.

Мои новые дальние родственники с тревогой посмотрели на меня:

– Что-нибудь не так? – спросила Маргарита Степановна.

– Анатолий Тимофеевич, где живет ваш американский зять? – уточнила я.

– В Далласе, вернее, где-то в пригороде Далласа...

– Дайте-ка мне еще раз номер, я сама наберу! – попросила я.

Тщательно сверяясь с цифрами, записанными на картонке (чувствовалась аккуратность Маргариты Степановны), я набрала восьмерку, десятку, код США, потом код Далласа и, наконец, номер домашнего телефона Кингов. В этот раз ответили гораздо быстрее – после второго сигнала вызова.

– Алло! Доброе утро! Это Даллас? – начала я издалека.

– Привет! Даллас. Кто вам нужен? – ответил мой собеседник.

– Мистер Питер Кинг! – четко ответила я.

– Кинг слушает! – подтвердил мужской голос.

– Пригласите, пожалуйста, к телефону вашу жену! – попросила я.

– Сожалею, но вы ошиблись, я не женат! – огорошил меня голос на другом конце планеты. Связь прервалась – абонент вновь положил трубку.

– Черный юмор, твою мать! – не выдержав, выругалась я.

– Что там Питер сказал? – побледнев, переспросила Маргарита Степановна.

– Господин Кинг не женат, я ошиблась...

При этих моих словах Сеницына вмиг покачнулась, словно сраженная пулей киллера. Если бы не теснота кабинки телефона-автомата, женщина бы просто рухнула на пол. Но, зажатая между мной и мужем, она лишь осела, подхваченная нашими руками. Открыв дверь, мы отнесли ее к ближайшей скамейке. Муж, потрепав жену по щекам, привел женщину в чувство.

– Где моя Лиза? – грустно спросила Маргарита Степановна.

По ее щекам непроизвольно катились крупные слезы. Можно понять состояние матери, которая узнала, что родная дочь исчезла Бог весть знает куда. Выразительно взглянув на Анатолия Тимофеевича, я предложила выйти к машине, чтобы обсудить все спокойно. Мы с трудом довели Сеницыну до «десятки», усадили на заднее сиденье. Анатолий Тимофеевич побуждал за минеральной водой. В машине женщина окончательно перестала контролировать себя и рыдала все сильнее и сильнее.

– Пусть выплачется! – положив руку мне на плечо, Сеницын-старший пресек мои попытки успокоить женщину. – У нее характер такой: стресс должен найти выход.

Минут через пять Маргарите Степановне действительно стало лучше. Плечи перестали сотрясаться, ручеек слез иссяк, женщина вполне осознанно посмотрела на нас.

– Как это может быть «не женат»? Питер что, свихнулся? – раздавленная горем мать ждала ответа от нас обоих. Но мы не знали ничего определенного.

– Давайте попытаемся разобраться в создавшейся ситуации, – я сидела на своем привычном месте водителя, а Анатолий Тимофеевич устроился рядом с женой, подставив ей в прямом смысле свое плечо. – Когда вы последний раз разговаривали с дочерью?

– В Ташкенте, когда вместе с тобой провожали ее в аэропорт, – пожал плечами отец.

– Но ведь это более месяца назад! – удивилась я.

– Лиза знала, что мы переезжаем в Россию, будут неизбежные хлопоты – продажа дома, укладка вещей, отправка контейнера. Решили позвонить уже отсюда, когда будет известен новый адрес, – пояснила мать.

– Понятно, но от нее не было телеграммы хотя бы, как она долетела, все-таки через океан? – не унималась я.

– Лиза рационалистка по складу характера. Всегда утверждала, зачем писать лишний раз – случись катастрофа, об этом все равно весь мир узнает, авиакомпания сообщит, – устало проговорил отец.

– Поскольку катастроф не было, вы и решили, что все в порядке? – усмехнулась я.

– Конечно! – подтвердил Анатолий Тимофеевич. – Случись что-то непредвиденное, Петя бы позвонил.

– Кстати о Питере. Они должны были лететь домой вместе? – поинтересовалась я.

– Как же иначе? Мы, честно говоря, не спрашивали это, считая само собой разумеющимся, – губы Маргариты Степановны еще дрожали после нервного срыва.

– Вам известен номер рейса, авиакомпания – наш российский «Аэрофлот» или какая-то из американских? Куда они конкретно летели – в Нью-Йорк, Вашингтон или есть прямой в Даллас? – наступала я.

– Обратные билеты в Америку были у Питера. У Лизы в документах я видел только билет до Москвы, на тот рейс, которым мы ее проводили. Знаем, что они должны были вылететь в США в пятницу, первого сентября, – выдавил из себя все, что знал, отец.

– Лиза делилась с вами обстоятельствами жизни в Америке? – как о само собой разумеющемся спросила я.

– Конечно! – подтвердила Маргарита Степановна. – Правда, в этот раз подробно не беседовали, сама видела, сколько хлопот со свадьбой было. Спросила у нее, как дела? Лиза ответила: «Нормально!» Нормально – это любимое ее словечко.

– Сколько времени она живет в Америке? – уточнила я.

– Чуть больше двух лет, с тех пор, как замуж вышла, – растерянно проговорил отец.

– Дома, в Ташкенте, часто бывала за два года? – я задавала всевозможные вопросы, чувствуя, что таинственным исчезновением миссис Кинг придется заняться мне.

– Этот приезд – четвертый, – чуть подумав, ответила Маргарита Степановна.

– В предыдущие визиты шла речь о взаимоотношениях с мужем, каких-то интимных подробностях? У них есть дети?

– Нет, Надя, детей пока нет, – все еще в настоящем времени ответила мать. – Я ее спрашивала, как семейная жизнь складывается... Лиза без подробностей отвечала в своем стиле – «Нормально».

– Не интересовались, почему ребенка не заводят? Если Питер ей фактически в отцы годится, он же должен не тянуть с беременностью жены? Нормальные мужчины в его возрасте хотят иметь наследников сразу, – рассуждала я.

– Как-то, от мужиков секретничая, обмолвилась на эту тему, Лиза отшутилась – для себя, мол, еще пожить нужно, какая из меня мать, вот подростку чуток, тогда детей и заведем, – через силу улыбнулась мать.

– Помнится, вы в Ташкенте обмолвились, что ездили к дочери в Америку. Когда это было? – невзначай поинтересовалась я.

– Прошлым летом, аккурат в августе, – вспомнил Анатолий Тимофеевич.

– Кто был инициатором поездки – вы, дочка, Питер? – не отступала я.

– Они оба. Хотели сделать нам приятное. Мы только что отдохнули на Иссык-Куле, возвратились в Ташкент, а дома приглашение в Даллас. Пришлось на работе договариваться об отпусках без сохранения содержания. Отпустили. Америку посмотрели. Интересно, конечно, – рассказал Сеницын-старший.

– Вы летали втроем, с Андреем? – продолжала я сбор фактов.

– Да, с сыном, – подтвердила мать. – Андрей, правда, поначалу ехать не особенно хотел – они в Чапан-Ате познакомились с Аллой, любовь с первого взгляда и все такое. Но его мы убедили, может, единственный шанс в жизни в США побывать. В конце – концов согласился, поехал.

– Вы тогда опытным взглядом ничего подозрительного в их взаимоотношениях, Лизы и Питера, не заметили? – не унималась я.

– При нас отношения ровные, спокойные. Голоса на нее не повышал даже, не то, что в некоторых русских семьях бывает! – усмехнулась Маргарита Степановна, а я постаралась понять причину ее нервного смеха: в семье Сеницыных так что ли случается?

– Надя, а как это может быть – Питер и не женат? – удивилась Маргарита Степановна.

– Спросите чего-нибудь полегче! – махнула я рукой. – Но кстати, брак Питера с Лизой первый в его жизни или повторный? Все-таки возраст уже солидный. Зять вам или дочери ничего по этому поводу не распространялся?

Несколько секунд подумав, мать пожала плечами:

– Особенно я не выспрашивала, говорит, первый, у них же принято жениться достаточно поздно, когда мужчина встает на ноги...

– Поеду-ка я туда, в Даллас, набыю Петрухе-подлецу морду, сразу все вспомнит, и жену, и меня, все расскажет, как миленький, куда дочку задевал! – Сеницын упрямо сжал кулаки, производившие, честное слово, выразительное впечатление.

– Да кто тебя туда пустит, виза гостевая давно уже закончилась, новую не дадут, на английском ты ни бэ, ни мэ! – досадно махнула рукой жена.

Они оба выразительно посмотрели на меня.

– Надя, нам не к кому, кроме тебя, обратиться. Ты же адвокат. Помогите нам, пожалуйста! – Анатолий Тимофеевич протянул ко мне свою руку. – Даже если мы пробьемся в Америку, не говоря по-английски, не зная наших-то законов толком, а американских – тем более, мы там ничего не сделаем.

– У нас от ташкентского дома тысяч десять баксов осталось, возьми все, на дорогу и житье там, может, хватит? – Маргарита Степановна заглянула мне в глаза.

Обычно я прошу у заказчиков хотя бы несколько часов на раздумья. Взвешиваю все доводы за и против моего участия в конкретном деле. Поступить здесь таким же образом я не могла по нескольким причинам. Помощи просили хоть дальние, но все-таки мои родственники. Откажи я, к кому они обратятся в нашем городе? Начнут действовать по официальным каналам? Консульства США у нас нет, только германское. Следовательно, им придется ехать в Москву, искать выход или на американское консульство, или на московский офис ФБР. Но простым россиянам трудно без помощи опытного юриста достучаться в свои-то официальные органы, а тут полиция Далласа. Интуиция мне подсказывала: дело серьезное, здесь пахнет жертвами. У меня же в США есть кой-какие связи. Где-то на подсознательном уровне я надеялась и на «неожиданную» встречу в США с Александром Семёновым, героем моего недавнего романа – от Перу, где трудился на раскопках молодой археолог, до США рукой подать...

Молчание мое Синицыны истолковали превратно.

– Конечно, мы понимаем, ты все деньги на дорогу и питание истратишь. Но мы обязательно заплатим. «Пятерку» свою продадим, деньги будут... Лизу ведь найти надо. Помогите нам, Надя, Христом Богом просим! – если задрожал голос седого пятидесятилетнего мужчины, дело принимало серьезный оборот.

– Не о деньгах я думала, о своем! – я сжала руку Анатолия Тимофеевича, до сих пор протянутую мне навстречу. – Возьмусь я за это дело. Едем к вам. Мне нужны последние снимки Лизы, Питера, надо поговорить с Андреем, может, он что знает о сестре.

Через полчаса, разложив веером на столе цветные снимки, я выбирала наиболее выразительные из них, где Лиза и ее американский муж были изображены наиболее ясно и четко. Большинство фотографий сделаны на фоне двухэтажного особняка с бассейном – дома господина Кинга или внутри виллы. Впрочем, по русским понятиям это шикарная вилла, по американским – скромный дом рядового топ-менеджера, не такого уж и богатого бизнесмена. Вице-президент рекламной компании, конечно, не последний человек там, по американским меркам, но не владелец, а наемный служащий. Вот он на снимках – типично американская внешность: поджарая фигура, ослепительно белые и ровные не то пластмассовые, не то фарфоровые зубы, обнажающиеся в дежурной улыбке, короткая стрижка, так, очков не носит, только на одном снимке, с книгой в руках, на глазах мистера Кинга модная металлическая оправа. Что таится за его хитрой улыбкой? Техас, Даллас, трагедия ноября 1963 года, убийство тогдашнего американского президента Джона Фицджеральда Кеннеди. Почти сорок лет спустя мир так и не узнал ни имени подлинного киллера, ни имен заказчиков. Что меня ждет впереди? Новая техасская загадка? Где же ты, русоволосая русская девушка Лиза из узбекского города Ташкента? Почему твой муж Питер вдруг заявил о своей холостяцкой жизни?

Беседа с Андреем ничего существенного мне не дала. Адрес электронной почты мистера Кинга он не знает – обменивалась посланиями с будущим мужем только Лиза. Когда она переехала в США, то общалась с родственниками в основном с помощью телефона. Закадычных подруг сестры еще по школьной скамьи брат помнил, их две – Антонина Игумнова и Светлана Храброва. Но где они сейчас – в Ташкенте или переехали в Россию, – Андрей не знал.

Не густо, прямо скажу. Но, с другой стороны, чем труднее задача, тем интересней ее решать, не правда ли?

Глава третья. Не имей сто рублей, а имей сто друзей

Не переоценила ли я свои силы, взявшись за это дело? На что надеюсь? Опыт? Знание английского на уровне разговорного? Но ведь это чужая страна, чужие законы. И я – не супер агент СВР – Службы Внешней Разведки, а всего лишь рядовой частный сыщик. Но и в моей практике, как и в практике нелегалов, огромное значение имеют личные связи. На счастье, такие связи у меня есть. В одном из своих последних расследований я познакомилась с семьей нашего губернского олигарха Владимира Михайловича Семёнова. По его просьбе искала неожиданно исчезнувшую невесту Майю Халмухамедову. Разыскала ее в Канаде при активной помощи свата Владимира Михайловича Дэниэла Керри, отца его американского зятя Джимми. Мистер Керри-старший на поверку оказался заместителем директора ФБР. Круг его обязанностей мне до точности не известен, но подозреваю, именно Дэниэл стал прототипом незабвенного Скинера из американского сериала «Секретные материалы». Даже внешне он был похож на телевизионного коллегу – тот же ежик волос на голове, похожая оправа очков, профессионально-пристальный взгляд серых глаз.

То ли по роду своих обязанностей, то ли под влиянием снохи Маши Семёновой, но Дэниэл Керри весьма неплохо для американца объяснялся на русском. Наше общение с ним было весьма плодотворно. Практически за сутки подчиненные Керри разыскали беглянку Майю в «братской» Канаде. А еще через несколько часов в сопровождении двух супругов, а по совместительству специальных агентов ФБР Томаса и Джессики Андерсон я летела на встречу с героиней своего дела. Да, с боссом из ФБР работать – одно удовольствие.

На помощь господина Керри рассчитывала я, соглашаясь на просьбу Синециных заняться поиском их неожиданно исчезнувшей дочери. Знакомые есть знакомые, но представление об американском менталитете я уже имела. Являться без приглашения даже в гости там не полагается. Тем более, я не в гости собралась. Вот почему я решила перво-наперво связаться с Владимиром Михайловичем Семёновым. На мое счастье, бизнесмен находился в городе. Внимательно выслушав мою просьбу о встрече, Семёнов тут же пригласил в гости сегодня вечером.

Он сам встречал меня на пороге своей городской квартиры – коренастый, с рубленными, правильными чертами лица мужичок, по-домашнему одетый в обыкновенный черный свитер с джинсами. Не знай я, кто передо мной, Владимира Михайловича вполне можно было принять за фермера или передового рабочего теперь уже далекого социалистического прошлого. Впрочем, на своих заводах Семёнов не гнушался и к станку вставать, и с рабочим людом в столовой за одним столиком обедать. Он принадлежал к числу тех генералов, что не забывали о своем лейтенантском прошлом и нуждах простых людей.

– Заходи, заходи! – Семёнов помог снять плащ, повел в гостиную, в которой возле стола хлопотала... Да, магнат-вдовец, похоже, сделал свой выбор. – Вы друг друга знаете, Раиса согласилась сменить фамилию, она уже второй месяц как Семёнова...

Поставлен посткриптус в моем недавнем деле «Бразильский сериал». Раиса Абельфасовна в конце-концов стала женой своего возлюбленного еще с юности Володеньки Семёнова. Случилось то, что должно было случиться: ведь их общей дочери Майе уже почти тридцать лет. Майя, кстати, живет в Канаде, это, разыскивая ее, я и познакомилась со всемогущим Дэниэлом Керри.

Счастье так и лучилось из глаз этих двух, как бы это помягче выразиться, достаточно взрослых людей – Семёнов был ровесником моего отца и его школьным другом. Новоиспеченные супруги хлопотали вокруг меня, подкладывая в тарелку лучшие кусочки мяса и салатов, наливая коньяк в рюмку. Понимая их чувства ко мне – все-таки это я нашла их друг для друга спустя почти тридцать лет, я после второго тоста вынуждена была решительно отставить рюмку в сторону.

Семёнов сразу все понял:

– У великого сыщика есть к нам дело. Давай, выкладывай!

Коротко я рассказала суть дела, не упустив, что пропавшая девушка – моя дальняя родственница. Семёновы слушали меня молча, не перебивая. Потом супруги переглянулись, Владимир Михайлович бросил взгляд на огромные напольные часы, отбивавшие время каждые полчаса.

– В Вашингтоне полдень. Сват на работе, туда звонить не совсем корректно. Позвоню Дэниэлу завтра ранним утром, у них как раз будет сегодняшняя вечер. Думаю, помочь он не откажется. Результат разговора немедленно передам тебе. Это во-первых. Во-вторых, не бери у родственников последние деньги. У тебя возникнут проблемы с наличкой на границах, да и родителям валюта может понадобится – к примеру, вылететь на опознание тела...

– Черный юмор у тебя, Володя! – укоризненно покачала головой Раиса Абельфасовна.

– Меня Надя научила быть рационалистом, а не смотреть на мир сквозь розовые очки. В бизнесе я это давно умел, а в личной жизни слишком поздно эту науку усвоил, – положив свою ладонь на правую руку жены, признался Семёнов. – Ты со своего счета в «Бэнка оф Нью-Йорк», что я тебе открывал, все успела потратить? – эти слова были обращены уже ко мне.

– Должно остаться немного, – пожалала я плечами.

– Завтра я переведу тебе туда на порядок больше, чем у твоих родственников осталось. Полетишь через Нью-Йорк, там заедешь в офис банка, получишь кредитную карточку. Виза годичная у тебя еще действует?

– С визой порядок, – согласно кивнула я головой.

– Перед отъездом в США познакомишь нас с Синицыными. Связь с ними будешь поддерживать через меня. У них наверняка еще и телефона нет. Помогать русским надо друг другу. Родившиеся в Азии, мы это понимаем, – привыкший руководить, бизнесмен взял инициативу в свои руки.

Уверенность Семёнова передалась и мне. Перестав сомневаться в исход его завтрашнего разговора со сватом, поверила и в скорейшее разрешение этого простого дела – уж всемогущее ФБР прижмет к ногтю какого-то там Кинга! Не ошиблась я только в первой части предположений: господин Керри дал добро на мой немедленный прилет в США, пообещав всестороннее содействие...

Сборы, как говорится, были недолги. Через двое суток, заручившись поддержкой могущественного бизнесмена и его родни, я вылетела в Москву. Переехала из Домодедова в Шереметьево-2. Рейсом американской авиакомпании «Дельта» отправилась в Нью-Йорк. Сразу же после прохождения таможенного и иммиграционного контроля на выходе в обычную часть аэропорта меня встретила Маша Семёнова, вернее, миссис Мария Керри. Маша с радостью обняла меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.